Д. И. Эварницкій.

Какъ побѣждали запорожцы мусульманъ.

AI 3/78

Разсказъ по лѣтописнымъ матеріаламъ съ иллюстраціями въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ“.
1902.

Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Казачьихъ Войскъ».

А1 3/78

КАКЪ ПОБѢЖДАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ МУСУЛЬМАНЪ.

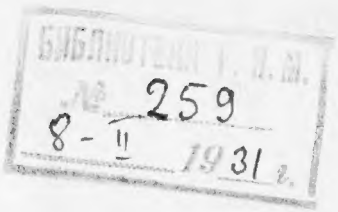
Разсказъ по лѣтописнымъ матеріаламъ

Д. И. Эварницкаго.

Съ иллюстраціями въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ“.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15 марта 1902 года.



Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, № 6.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящей брошюрѣ извѣстный историкъ Запорожскаго казачества Д. И. Эварницкій разсказываетъ одну изъ страницъ рыцарской жизни первѣйшей казацкой общины—Запорожской Сѣчи, возникшей въ концѣ XVI вѣка. Этому предшествовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и условій, содѣйствовавшихъ образованію особаго запорожскаго казачества. Съ конца XV ст. уже можно подмѣтить стремленіе украинскаго казачества въ сторону Запорожья, управляемое двоякими мотивами. Казаки ходили, по выраженію современныхъ грамотъ, „на Низъ" ради звѣринаго и рыбнаго промысловъ, доставлявшихъ обильную добычу въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ; ходили туда же и противъ татаръ, то вызываемые къ этому королевскими старостами, то по собственной иниціативѣ. Значеніе Запорожья, какъ военнаго поста, было замѣчено ими уже очень рано. Въ 1533 г. староста черкасскій и каневскій, Евстафій Дашковичъ (X, 163—4), предлагалъ устроить на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, постоянную стражу, тысячи въ двѣ, но планъ этотъ не былъ выполненъ. Въ 1556 г. кн. Дм. Ив. Вишневецкій, будучи предводителемъ казаковъ, построилъ укрѣпленіе за порогами на о-вѣ Хортицѣ и отразилъ нападеніе крымскаго хана; но уже въ 1558 г. онъ долженъ былъ покинуть Хортицу, въ виду недостаточности силъ. Въ 70-хъ годахъ XVI в. казаки имѣли уже постоянную стражу на днѣпровскихъ островахъ за порогами, но главная масса казаковъ появлялась въ низовьяхъ Днѣпра только лѣтомъ, а зимой расходилась въ украинные города, по преимуществу въ Кіевъ и Черкасы. Если Сѣчь и существовала въ это время, то лишь въ качествѣ передового сторожевого поста украиннаго казачества, а не самостоятельной общины. Въ 90-хъ гг. XVI в. запорожская община является уже вполнѣ сложившейся, хорошо извѣстной сосѣдямъ. Въ 1594 г. запорожцы, въ числѣ 1300 чел., подъ предводительствомъ Богдана Минкошинскаго, на 50 чайкахъ предпринимали походъ на турецкія владѣнія; въ томъ же году къ нимъ прибылъ посланникъ имп. Рудольфа II, Эрихъ Лассота, съ предложеніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Условія возникновенія Сѣчи, какъ протеста противъ новыхъ порядковъ и попытки собственными силами обороняться отъ татаръ, опре-

дѣлили собою внутреннее устройство и дѣятельность запорожской общины. Самое слово „сѣчь“, или „січь“, которымъ означалось пребываніе казаковъ, въ полтавскихъ актахъ XVII и XVIII вв., обозначаетъ лѣсную вырубку и, слѣдовательно, указываетъ, что первыя поселенія запорожскихъ казаковъ ставились на поросшихъ лѣсомъ островахъ. Такихъ сѣчей за время существованія Запорожья считаютъ 8 (Хортицкая, Вазавлуцкая, Тамаковская, Микитинская, Чертомлыцкая 1652—1708, Каменская 1710—1711, Алешковская 1711—1734 и Новая, или Подпиленская 1734—1775). Вся община называлась еще кошемъ (слово татарскаго происхожденія, означающее вообще станъ) и это же слово употреблялось для обозначенія сѣчевого правительства. Доступъ въ ряды сѣчевого товарищества былъ совершенно свободный: отъ вновь вступающаго требовалось только признаніе православной вѣры, обязательство защищать ее и подчиненіе общимъ правиламъ войска. Въ Сѣчь принимались люди всѣхъ національностей, но большинство было малороссовъ. Вся жизнь сѣчевого товарищества построена была на полномъ равенствѣ его членовъ и самоуправленіи. Войско дѣлилось на курени, возникшіе первоначально, по всей вѣроятности, изъ группъ земляковъ; каждый курень выбиралъ себѣ куренного атамана, вѣдавшаго его хозяйство и всѣ его внутреннія дѣла, а начальникомъ надъ всѣмъ войскомъ былъ избираемый имъ на общемъ собраніи или радѣ кошевой атаманъ, съ его помощниками — войсковыми судьею, писаремъ и есауломъ. Всѣ эти должностныя лица избирались на одинъ годъ, но могли быть смѣнены и ранѣе, если войско было ими недовольно. Кошевой пользовался почти неограниченною властью въ походѣ, но въ Сѣчи, въ мирное время, онъ ничего не могъ предпринять безъ совѣта съ радой и безъ ея согласія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда походъ предпринимался лишь частью войска, и кошевой оставался дома, для начальства надъ экспедиціей избирался особый полковникъ, власть котораго продолжалась только во время похода. Всякій казакъ имѣлъ право участія въ радѣ, всякій могъ быть избранъ въ любую должность. Жизнь запорожцевъ отличалась чрезвычайною простотою. Самою выдающеюся чертою ея было безбрачіе. Запорожцы смотрѣли на семью, какъ на прямую помѣху ихъ дѣятельности; за введеніе женщины въ Сѣчь грозила смертная казнь; блудодѣяніе принадлежало къ числу наиболѣе сурово караемыхъ, по запорожскимъ обычаямъ, преступленій. Войско состояло изъ холостыхъ, вдовыхъ или бросившихъ своихъ женъ казаковъ. Таже причина, которая заставила запорожцевъ признать безбрачіе основнымъ принципомъ своей жизни, опредѣлила и характеръ ихъ мирныхъ занятій. Земледѣліе было невозможно въ сосѣдствѣ татаръ, и главными занятіями сѣчевиковъ, помимо войны, сдѣлались охота и рыбная ловля, для которыхъ степи и Днѣпръ представляли чрезвычайно благопріятныя условія. Жили запорожцы первое время всѣ вмѣстѣ въ Сѣчи,

каждый курень—въ особомъ зданіи, носившемъ то же названіе и представлявшемъ сплетенный изъ хвороста шалашъ, покрытый сверху лошадиными шкурами; въ каждомъ куренѣ велось свое хозяйство и держался на общія средства столъ для всѣхъ членовъ его; обыкновенною пищей были соломаха (ржаное квашеное тѣсто), тетеря (похлебка изъ ржаной муки) и щерба (рыбная похлебка). Порядокъ внутри запорожской общины охранялся строгой дисциплиной: жившіе военной добычей, запорожцы строго преслѣдовали воровство въ своей собственной средѣ, казня за него смертью; смертною же казнью карался и всякій разбой и насиліе въ мирныхъ христіанскихъ селеніяхъ; ссора между товарищами запрещалась. Съ теченіемъ времени первоначальныя примитивныя формы общежитія значительно усложнились, но основные ихъ принципы оставались на Запорожьѣ неизмѣнными въ теченіе двухъ вѣковъ.

Жизнь запорожцевъ занята была борьбою съ одной стороны съ Польшей съ другой съ крымскими татарами и турками. Разсказъ автора воспроизводитъ наиболѣе славное время изъ жизни запорожцевъ—въ атаманство Сирка, относящееся къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія. Прошло сто лѣтъ и для запорожцевъ настали плохія времена. Запорожье было еще необходимо до той поры, пока опаснымъ представлялось для Россіи Крымское ханство. Послѣ полнаго разгрома послѣдняго въ войну 1769—74 гг. этой необходимости болѣе не существовало, и участь Сѣчи была рѣшена ея столкновеніями съ генералъ-губернаторомъ вновь образованной Новороссійской губ., Потемкинымъ. По представленію послѣдняго, ему поручено было Имп. Екатериной уничтожить Сѣчь. 5 іюня 1775 г. генералъ поручикъ Текелій, съ войскомъ, составленнымъ изъ регулярной пѣхоты, кавалеріи и донскихъ казаковъ, занялъ Сѣчь, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны ничего не ожидавшихъ запорожцевъ. Опомнившись старшина задумала, кажется, противиться и за то, по предложенію Потемкина, была разослана на пожизненное заточеніе въ монастыри. 5 августа 1775 г. изданъ былъ манифестъ, объявлявшій объ уничтоженіи Запорожскаго войска и обращавшій бывшихъ его членовъ въ мирныхъ поселянъ. Вслѣдъ затѣмъ началась щедрая раздача запорожскихъ земель, участками отъ 1500 до 12000 дес.; Потемкинъ, кн. Прозоровскій и кн. Вяземскій получили каждый приблизительно по 100000 дес. Часть запорожцевъ, послѣ занятія Сѣчи, бѣжала въ Турцію и основала въ Добруджѣ такъ наз. Задунайскую Сѣчь, существовавшую до 1828 г. Изъ оставшихся въ Россіи запорожцевъ въ 1783 г. было образовано Черноморское войско.

Редакція.

Запорожецъ.

КАКЪ ПОБѢЖДАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ МУСУЛЬМАНЪ.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, имѣлъ слабость передать гетманскую булаву молодому и совсѣмъ неопытному сыну своему Юрію Хмельницкому. Но „до булавы треба було, по малороссійской пословицѣ, головы“, а между тѣмъ, Юрій хотя и имѣлъ голову, но голову почти безъ здраваго смысла и совсѣмъ безъ политическихъ соображеній. „Тому гетманишкѣ прилично бы гуси пасть, а не гетмановать“ [1]), говорили люди „московскаго званія“, глядя на Юрія Хмельницкаго. И точно, то былъ „отъ природы евнухъ“, „Юрась небожчикъ“, нравомъ злой, умомъ ограниченный, тѣломъ слабый юноша. Неудивительно, что „при его боку“ тотъ же часъ послѣ смерти отца завелись честолюбцы, преслѣдовавшіе свои личные интересы, и неудивительно, что въ Малороссіи настали въ то время такіе раздоры, смуты и междоусобія, которые дали поводъ писателямъ того времени назвать Малороссію „ярмаркой самолюбій“. Броженіе умовъ выражалось колебаніемъ „властныхъ людей“ Малороссіи, то между Польшей и Россіей, то между Россіей и Турціей: тогда какъ одни изъ малороссійскихъ гетмановъ старались играть въ одну руку съ польскими королями, другіе простирали свои взоры къ московскому царю, а третьи, болѣе дальновидные, открыто вступали въ союзъ съ турецкимъ султаномъ и искали у него протекціи для всей Малороссіи.

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 10.

Въ этомъ отношеніи запорожскіе казаки составляли исключеніе: они твердо держались православнаго царя и православной Руси и всячески отвращались отъ польскаго короля и католической вѣры, а еще больше того — отъ турецкаго султана и отъ мусульманской вѣры. Эту политическую программу они получили отъ Богдана Хмельницкаго: за православную вѣру и православнаго царя сражался съ поляками Богданъ Хмельницкій; за это же стояли, въ союзѣ съ гетманомъ, запорожцы; за это же они рѣшили стоять и послѣ „стараго Хмеля".

И нужно сказать, что запорожцы строго выдержали свое политическое status quo въ теченіе первыхъ трехъ десятковъ лѣтъ послѣ Богдана Хмельницкаго. Отступленіе отъ политической программы дѣлалось лишь временно и по весьма уважительнымъ причинамъ, когда сами „московскіе люди" нарушали въ чемъ либо права малороссійскаго народа и запорожскихъ казаковъ, массовое же движеніе всегда было на сторонѣ русскаго царя. Этого мало. Запорожскіе казаки даже выступали съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ изъ малороссійскихъ гетмановъ, которые шли вразрѣзъ съ ихъ симпатіями къ русскому царю. Въ свою очередь и гетманы, видѣвшіе осуществленіе политической свободы своей родины черезъ союзъ съ Польшей или Турціей невозможнымъ, мстили запорожскимъ казакамъ. Но поднимать оружіе противъ запорожцевъ они сами, однако, не рѣшались, стараясь только или пускать въ ходъ ложные доносы на невѣрность запорожцевъ московскому царю, или же подстрекали противъ нихъ заклятыхъ недруговъ, татаръ и турокъ. Яркимъ примѣромъ послѣдняго служитъ событіе 1675 года, происшедшее въ самой Сичи, вызванное малороссійскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, отдавшимся подъ покровительство турецкаго султана и крымскаго хана и выступавшимъ врагомъ царя и всего запорожскаго низоваго войска.

Гетманъ Дорошенко, создавъ себѣ планъ отторженія всей Малороссіи отъ Великой Россіи, передался со всей правобе-

режной Украйной подъ протекцію турецкаго султана, разсчитывая черезъ него обезпечить своей родинѣ политическую свободу, которую она утеряла со времени Богдана Хмельницкаго. Но на этомъ пути онъ встрѣтилъ страшныхъ противниковъ — запорожскихъ казаковъ; склонить ихъ на сторону султана для Дорошенка не было никакой возможности. Тогда онъ рѣшилъ тайно поднять противъ нихъ турецкаго султана и крымскаго хана, внушивъ послѣднимъ мысль внезапно напасть на самую Сичь и выбить всѣхъ находившихся тамъ казаковъ.

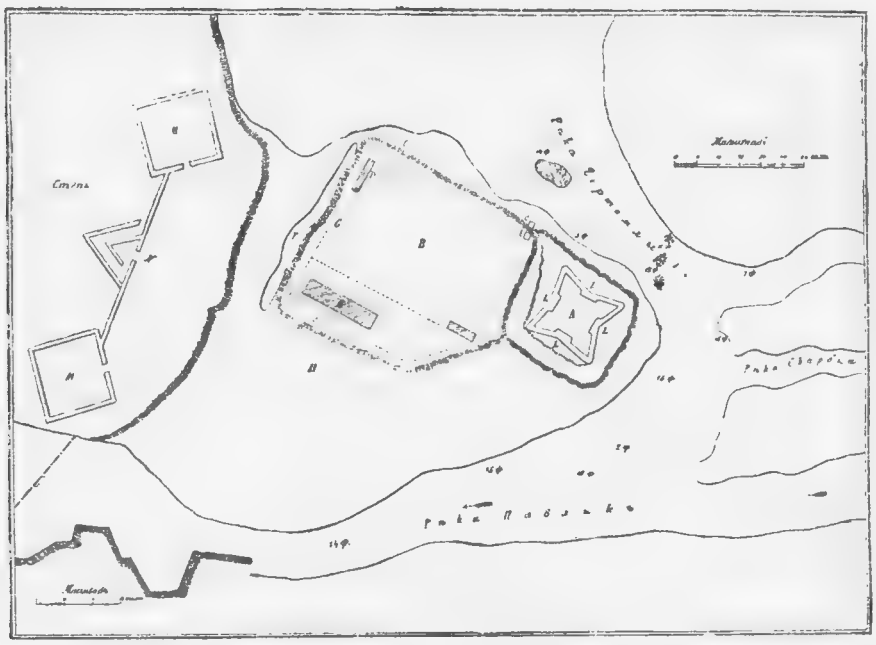
На ту пору турецкимъ султаномъ былъ Магометъ IV (1648—1687), крымскимъ ханомъ — Селимъ Гирей I (1671—1678), а кошевымъ атаманомъ у запорожцевъ — Иванъ Дмитріевичъ Сирко, слава и гордость запорожцевъ, гроза и страхъ мусульманъ.

Самая запорожская Сичь находилась въ то время у устья рѣки Чортомлыка, праваго притока Днѣпра, ниже его пороговъ. Эта Сичь носила названіе Чортомлыцкой или Старой Сичи; она представляла изъ себя городокъ всего лишь въ 900 саженъ кругомъ, обнесенный земляным валомъ, въ шесть саженъ высоты. Въ серединѣ его съ западной стороны были набиты пали и устроены бойницы, съ восточной— сдѣланы деревянные коши, насыпанные землей, съ правой— поставлена башня, мѣрою двадцать саженъ кругомъ, особая бойница близъ нея и восемь „фортокъ“, или „пролазовъ“ такой ширины, чтобы можно было одному человѣку пройти по воду на рѣку Чортомлыкъ [1]).

Ко всему этому церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и кругомъ всей площади тридцать восемь куреней. Самые курени представляли изъ себя большія избы, длины около 44 аршинъ, ширины около 8 аршинъ съ равными имъ по длинѣ и по ширинѣ сѣнями; въ стѣнѣ, отдѣлявшей сѣни отъ куреня, устраивалась „груба“, т. е. изразцовая для отопленія печь, посреди самыхъ сѣней сто-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, № 5, 12.

яла „кабыця“ или очагъ, въ длину около пяти аршинъ и болѣе; чрезъ кабыцю проводился на „переметныхъ“ стѣнахъ „сволокъ“, куда вбивались желѣзныя цѣпи съ крючьями для навѣшиванія на нихъ большихъ казановъ, въ ко-



Объясненіе къ плану Чортомлыцкой Сичи.

A. Крѣпость.
B. Мѣсто, гдѣ была верфь.
C. Мѣсто, гдѣ были элинги.
D. Магазинъ такелажа и матеріаловъ.
E. Казармы.
F. Ровъ.
G. Палисадъ.
H. Мѣсто, затапливаемое весеннимъ разливомъ.
K. Кузница.
L. Бастіоны.
M. N. Ретраншементъ съ двумя редутами.
O. Палисадъ, окружающій казарму.

(Съ подлинника, хранящагося въ архивѣ военно-топографическ. депо).

торыхъ казаки варили себѣ пищу. Въ самомъ куренѣ во всю его длину, отъ порога до противоположной ему стѣны, ставился столъ, называвшійся „сырномъ“, состоявшій изъ одной доски, больше трехъ четвертей аршина ширины,

прибитой желѣзными гвоздями ко вкопаннымъ въ землю столбамъ; противъ стола, съ трехъ сторонъ, по надъ стѣнками настилался помостъ или накатъ, замѣнявшій казакамъ кровати; на немъ могли спать отъ 30 до 150 человѣкъ и болѣе; на „пакути“, т. е. въ красномъ углу, висѣла неугасимая лампада и тутъ же стояла „карнавка“ для опусканія въ нее денегъ; по стѣнамъ куреня развѣшано было оружіе. Близъ каждаго куреня стояла особо скарбница или амбаръ, гдѣ всѣ казаки извѣстнаго куреня складывали свое добро, считавшееся достояніемъ всего куреннаго товарищества, а не отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ скарбницы при каждомъ куренѣ были еще и другія малыя жилья, въ одномъ мѣстѣ построенные [1]); нужно думать, послѣднія пристраивались въ виду того, что далеко не всѣ казаки могли помѣщаться въ главномъ куренномъ строеніи.

Общій видъ мѣстности Чортомлыцкой Сичи.

Итакъ, событіе произошло на Чортомлыцкой Сичи, по теперешнему на мѣстѣ села Капуливки, Екатеринослав-

[1]) Записки Одес. общ. ист. и древн., VI, 645; Д. И. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, С.-Петербургъ, 1888, II, 16, 17, 189; Щекатовъ и Максимовичъ, Новый и полный географическій словарь, Москва, 1788, II, 7—47.

скаго уѣзда, въ 18 верстахъ отъ мѣстечка Никополя, къ западу. Вотъ какъ объ немъ разсказываетъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко.

Не насытившись поглощеніемъ премногаго казако-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Ладыжинымъ и Уманью, не удовольствовавшись обращеніемъ ихъ въ пепелъ и сравненіемъ съ землею, турецкій султанъ задумалъ истребить все Запорожское войско и разорить самый Кошъ [1]) его: на это дѣло онъ прислалъ осенью 1674 года на корабляхъ изъ Константинополя въ Крымъ пятнадцать тысячъ отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всей крымской ордой, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ приказаніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ налегкѣ тою-же осенью въ Стамбулъ и, не долго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ: все время послѣ этого онъ совѣтовался съ своими крымскими салтанами, агами и мурзами и выискивалъ способовъ, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его Кошемъ. Послѣ совѣта постановлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непремѣнно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать.

И вотъ, какъ скоро тогдашняя зима, „чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ“, замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевыя твердыми льдами и приодѣла достаточными снѣгами, тогда крымскій ханъ тотъ-же часъ приказалъ сорока тысячамъ крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а пятнадцати тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился Филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ вой-

[1]) „Кошъ“ на татарскомъ языкѣ означаетъ вообще всякое помѣщеніе, потомъ становище, лагерь.

скомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, стараясь держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ, и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь образомъ не узнало о томъ.

На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на извѣстномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ по куренямъ и что другой стражи нѣтъ ни около, ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ-же, выбравши самаго лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести пѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту форточку, [1]) которая, по показанію самихъ сторожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичь съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, „учинить належитій военній надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ“. Самъ-же, между тѣмъ, объѣхавши съ ордой вокругъ Сичи и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку на готовѣ, чтобы не выпустить и „духа имѣющихъ утекать“ запорожцевъ.

Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: „що чоловѣкъ себѣ обѣцуе, тое Богъ ницуе“: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Кошъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безпечно спать, но не припомнилъ того, что множество этого же войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ [2]) и что большинство изъ этого войска

[1]) Фортка — въ смыслѣ калитки, прохода, или „пролаза“.

[2]) Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1-го января каждаго новаго года.

были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ насталъ „полуночный часъ“; все войско, не слыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи басурманъ, „зашпунтовавшись“ въ куреняхъ, безпечно опочивало; въ это самое время янычары, введенные тихо чрезъ открытую фортку поїманнымъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичь и наполнили собой всѣ ея улицы и переулки, и такъ стѣснились, какъ то бываетъ въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичь, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какимъ способомъ разорить то рыцарское гнѣздо низово-днѣпровскихъ казаковъ, нашихъ малтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣснотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собой, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ.

Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичь, захвативъ всѣ сичевыя арматы, заступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько времени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи; когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ соблюсти въ цѣлости православное и преславное низовое запорожское войско, тогда Онъ отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, казаку одного куреня. Этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку [1]), началъ чрезъ оконную щель присматриваться, рано ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей — турокъ, всю улицу заполнившихъ собою. Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ-же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ и сообщилъ о замѣченномъ пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще не ложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, и игравшимъ въ карты.

Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, тотъ же часъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда ли то, что сказалъ Шев-

[1]) Кватерка собственно значитъ четвертая часть окна.

чикъ. Когда же они и сами увидѣли, что Сичь ихъ наполнена непріятелями — турками, то немедленно и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутораста человѣкъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро повставали, тихо поодѣвались, осторожно забрали въ руки оружіе и потомъ, послѣ совѣта съ куреннымъ атаманомъ, устроили слѣдующее: поставили къ каждому окну по нѣсколько человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ, которые должны были безпрестанно стрѣлять, а другіе, стоя назади первыхъ, заряжать ружья и подавать имъ.

Устроивши все это безъ великаго шума и, помолившись Богу, казаки сразу поотворяли всѣ окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ; тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всѣхъ сторонъ чрезъ куренныя окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжело поражая турокъ, кои отъ одного выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и, „аки козлы между собой мятущися“, падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови.

Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась въ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней въ непріятелей, они стрѣляли уже другъ противъ друга и наносили самимъ себѣ вредъ, крикнули единогласно до ручного боя; и такъ по той командѣ тотчасъ всѣ разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, и всю божественную церковь и всѣ арматы окрасили и осквернили басурманскою кровью, а всѣ сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили; трупы

эти лежали, облитые ихъ же собственною кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время; какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ.

А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ, при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, разсчитывая завоевать запорожскую Сичь. Пораженный вслѣдствіе этого несчастья великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Скоро послѣ кровопролитной и смутной ночи пришлось людскимъ очамъ увидѣть пасмурный невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войскового совѣта, а болѣе всего послѣ приказа кошевого Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго товарыства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичь кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль „о полтрети“ и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товарыство повернуло назадъ къ Сичи и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагоутробной защитницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ товарищей, сраженныхъ въ бою; всѣхъ ихъ было убито въ ночной „заверусѣ“ пятьдесятъ человѣкъ, а ранено до осьмидесяти; убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ „честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ“ и приказали сичевымъ священникамъ служить по нихъ сорокоустъ, неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излеченіе си-

чевымъ цирюльникамъ съ награжденіемъ изъ войскового скарба. Послѣ этого казаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію; трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошевого, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ. Тутъ одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по басурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ предать ихъ на съѣденіе звѣрямъ п птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые—въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить, да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; второй, если палить, много дровъ пришлось бы истребить; третій, если отдать на съѣденіе звѣрямъ, то звѣри, разстервившись, и живому войску могутъ принести шкоду; а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось: повытащить изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ человѣкъ на Днѣпръ для рубки „полонокъ“; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Около условленнаго часа, когда казаки, работавшіе на Днѣпрѣ дали знать, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ „полонокъ“ на Днѣпрѣ, немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственною кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ, по десять, по двадцать и больше того „плитами и брилами“ прочь изъ Сичи таскать и около „полонокъ“ оставлять; а

бывшей на Днѣпрѣ пѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіе трупы янычаръ въ „полонки“ втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ изъ Сичи выволокти не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало, ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, кожухи, шаровары, шапки, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплошными смерзшимися плитами, такъ что кто хотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, тотъ долженъ былъ отрубать одинъ трупъ отъ другого топоромъ, а дорогое одѣяніе сдирать лоскутками; также если кто хотѣлъ вынуть изъ подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніи битвы вынуто изъ подъ труповъ еще не смерзшихся), то опять таки долженъ былъ разрубать трупы, а рога и шабельтасы [1]) просто обрѣзывать около нихъ.

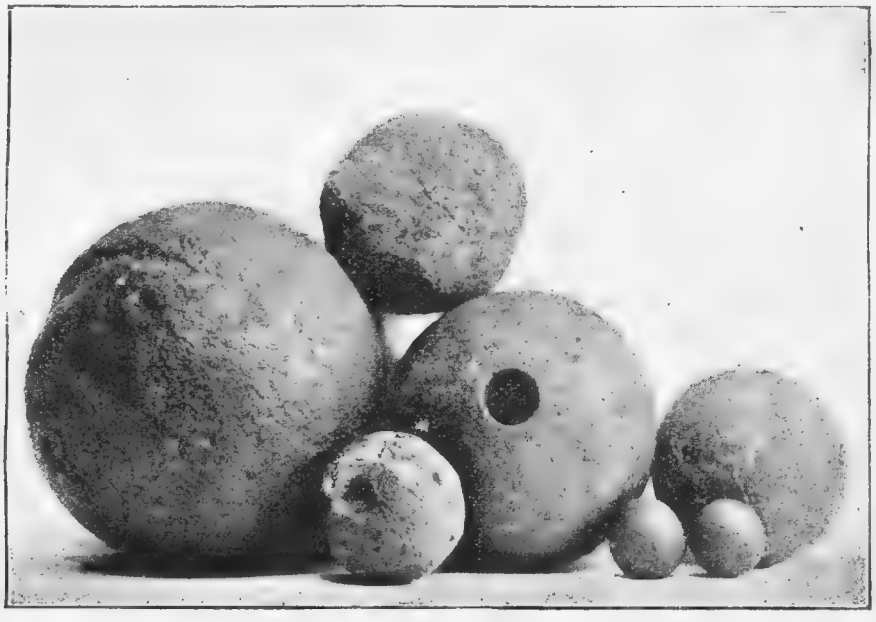
Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, почищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и повыметало все со снѣгомъ за Сичь, также обтесывало и пообмывало всѣ страшно облитые кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебенъ отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ, безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые казаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошевого атамана Сирка, но гуляли тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ [2]).

---

[1]) Шабельтасъ въ переводѣ съ татарскаго („шабультасъ“) на русскій значитъ пороховая сумка, носимая при помощи ремня черезъ плечо.

[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, а затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку „прихрое и досадительное“ письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошевого Сирка. Сирко послалъ его съ чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи.



Запорожскія ядра и картечь, найденныя въ Чортомлыкой Сичи Д. И. Эварницкимъ.

Дорошенко, прочитавъ то письмо, страшно разъярился на запорожскихъ казаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ, питаетъ особенную дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, смягчились и въ свою очередь увѣряли, его письмомъ что они кромѣ пріязни ничего другого не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пяти сотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ плѣну полтораста человѣкъ янычаръ и четыре аги: аги скрылись въ разныхъ мѣстахъ между сѣчевыми строеніями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились. Тогда ханъ прислалъ за ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ киндяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтораста невольниковъ янычаръ, снадбивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ аговъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи левовъ съ каждаго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ, турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи страшно озлился на своего визиря, который посовѣтовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ; онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но, потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; за то забралъ все его имущество въ султанскую казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ казаковъ, съ цѣлью искорененія ихъ войскового Коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турокъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ. Того же 1675 года, въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низового запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему, на главной радѣ, идти на Крымъ и отомстить крымскому хану „за прошло-зимнее нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску; а именно за то, что ханъ, пришелъ ночью съ турецкими янычарами и вор-

вавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а все находившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать".

На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести ихъ на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ все войско изъ Сичи по рѣчкамъ и вѣткамъ, приказалъ ему изготовиться въ походъ на Крымъ, на три недѣли запастись харчей и прочими военными принадлежностями, и черезъ двѣ недѣли явиться въ Сичь. Войско, охотно исполнивъ приказаніе, явилось въ Сичь со всѣмъ необходимымъ. Тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ казаковъ, числомъ около двадцати тысячъ, и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Разсчетъ его вполнѣ удался: татары, дѣйствительно, не замѣтили его и не могли дать знать о томъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро пройдя со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ Крымское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма, надъ г. Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо всѣ крымскія мѣста и осѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ „несчадно струснути" и на пятый день возвратиться къ сивашской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ вѣтроногихъ коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись съ общаго совѣта на нѣсколько частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его: Козловъ, Карасевъ, даже столицу ханскую, Бахчисарай, и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія. Ханъ, узнавъ „о такой фуріи несподѣванныхъ и недишкретныхъ гостей",

едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими салтанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы; туда же бѣжала къ хану одна часть татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія; другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ.

Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу, то, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человѣкъ, устремился къ той самой сивашской переправѣ, черезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе казаки: онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сивашской переправы ханъ имѣлъ намѣреніе остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, „грассовавшаго“ по Крыму.

И, дѣйствительно, ханъ прибылъ съ своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско разсчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку на переправу. Увидя у переправы запорожское войско, ханъ, вообразилъ, что здѣсь собралось все казацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ, къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое войско, которое гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивашу на переправу, казацкое войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло, для обмана татаръ, мусульманскія знамена, взятыя въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и, воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко со всей силою ударилъ на Сирка; но не смогши сломить его, напротивъ того, потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко,

увидя позади хана войско и, узнавъ, что то было его собственное, сталъ строиться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ; ханъ въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вторично на Сирка, онъ, подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды уономъ вновь отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и сталъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а казацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно разсыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза казацкому войску, бывшему позади нея. Тутъ казаки, гоняясь по полю за перепуганными татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, едва не поймавъ и самаго хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все казацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сивашской переправѣ, какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись пищею, оно немедленно двинулось изъ Крыма черезъ Сивашъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сиваша до Запорожья. Пройдя Сивашъ передъ заходомъ солнца и, уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шли изъ Сичи въ Крымъ, войско вдалось отъ переправы на Каланчакъ, къ Черной долинѣ и Качкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Качкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много скота рогатаго и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя множество добычи и тринадцать тысячъ ясыру [1]) — плѣнныхъ татаръ и бывшихъ во крымской неволѣ христіанъ.

[1]) „Ясырь“— съ арабскаго „эсырь“, значитъ плѣнникъ.

Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго „попаска“ мѣстѣ, Сирко однимъ казакамъ приказалъ наварить побольше каши, чтобы ея было достаточно, какъ для войска, такъ и для ясыра, а другимъ — велѣлъ разлучить на двое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ басурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ человѣкъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: „кто хочетъ идти съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ“. Христіане и родившіеся отъ христіанъ въ Крыму „тумы“, услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, нашли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украйну. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ. Отпуская послѣднихъ, онъ спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ. Спрошенные отвѣчали, что въ Крыму у нихъ есть осѣдлости и господарства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская этихъ людей, Сирко еще не вполнѣ вѣрилъ, чтобы они, дѣйствительно пошли въ Крымъ, и надѣялся, что они вернутся на Русь и, поднявщись на бывшую тамъ могилу, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ казакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единаго и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотрѣть, все ли будетъ исполнено по его приказанію. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, казаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе. Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля

въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ казаковъ, а къ мертвымъ трупамъ сказалъ слѣдующія слова: „Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную, безъ крещенія, погибель".

Послѣ этого, Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища; приблизившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичь, первымъ дѣломъ, со всѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу Всесильному Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на всѣ курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ. Два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились безпрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого разошлись „въ рѣчки и вѣтки", а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоего пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыря одна часть послана въ Москву, другая — къ гетману Самойловичу, а третья—числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ; если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то всѣ они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услыша эти слова Сирка, всѣ татары вздрогнули и сейчасъ-же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ, всѣ, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горячимъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичь. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всѣмъ

товариствомъ написалъ письмо хану; въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія казаковъ въ Крымъ, происшедшаго по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ казаковъ, и тутъ же напомнилъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

„Ясновельможнѣйшій мосце хане крымскій со многими ордами, близкій нашъ сосѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашей ханскою милостью и со всѣмъ крымскимъ ханствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны; ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимой. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не „по кавалерству“ выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и не чающихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами-же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій панъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская мосць хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злаго умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо, вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ, Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братій нашихъ, рѣшили

постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосцѣ и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно по рыцарски. И Богъ серцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ вашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та „гостына“ наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ „недишкретною“, то можетъ быть, такъ оно и есть, ибо казаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного нрава: одни стрѣляли направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ добре, что всѣ въ цѣль попадали. Да и самой „недишкреціи“ той мы отъ васъ же научились, а не сами выдумали, ибо, не принявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, черезъ которую мы вошли въ ваше панство: стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять, тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду, явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ нибудь обезпокоили вашу ханску мосць и вамъ показалось что нибудь съ нашей стороны „недишкретнымъ“, то извини насъ на томъ, ваша ханская мосць; не забывай однако, что всякая „недишкреція“ обыкновенно платится за такую же „недишкрецію“. Разумѣется, вашей панской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войною на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть, (конечно, не вслѣдствіе нашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если-бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало, и насъ, войско запорожское, ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать; въ против-

номъ же случаѣ, если будешь поступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское ханство не на Сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока при всесильной Божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна воевали Крымъ и царство турецкое [1]), то намъ ихъ наслѣдникамъ, кто же можетъ запретить идти тѣмъ же славнымъ путемъ нашихъ предковъ? Итакъ мы, войско запорожское низовое не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ: однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги нашихъ и вашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ, сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ Кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники, сами написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ посылаютъ черезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣе и прислать его къ намъ въ Кошъ съ особымъ отъ вашей ханской дишкреціи на насъ, войско запорожское, подар-

[1]) Самоилъ Кошка, Ѳедоръ Богданко, Петро Конашевичъ Сагайдачный, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Сулима „коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, довольно мушкетнымъ дымомъ окуривши; Синопъ и Трапезонтъ выстынали; мощному Бѣлгороду не разъ крылья осмаливали“.

комъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясновельможной ханской мосцѣ доброжелательные пріятели Иванъ Сирко, атаманъ кошовый со всѣмъ войска низоваго запорожскаго товариствомъ“ [1]).

Видимо объ этой самой побѣдѣ, въ томъ же году, 1 сентября, кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сирко писалъ гетману Ивану Самойловичу: „Прежде этого мы извѣщали тебя, нашего благодѣтеля, сообщая о первомъ нашемъ изъ подъ Перекопа возвратѣ. Такъ и нынѣ, Божьей милостью и счастіемъ великаго государя нащего, будучи въ Крыму вмѣстѣ съ помянутыми (московскими) войсками, мы разбили не малое число непріятелей, вышедшихъ противъ насъ, опустошили села огнемъ, взяли много добычи, захватили ихъ самихъ живыхъ, не мало освободили душъ христіанскихъ изъ неволи, и сами со всею цѣлостью и безъ всякаго урона своего войска возвратились въ Кошъ“ [2]).

Однако ненависть мусульманъ къ запорожскимъ казакамъ и всему христіанскому населенію Украйны послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки въ 1680 году рѣшились предпринять или, по крайней мѣрѣ, распускали слухъ, что имѣютъ предпринять походъ на запорожскую Сичь и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичь, турецкій султанъ, Магометъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣсняясь въ выраже-

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 372—382.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 259, № 89, 2.

Запорожскіе казаки пишутъ отвѣтъ турецкому султану (Съ картины Рѣпина. Русс. Муз. Имп. Александра III).

ніяхъ, отвѣтили султану письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть у него и жестоко смѣялись надъ кичливостью „непобѣдимаго рыцаря". У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копіи этого, можетъ быть, мнимаго, но совершенно согласнаго съ духомъ запорожскихъ казаковъ, письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ.

Одно изъ такихъ писемъ открыто было извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и напечатано имъ въ журналѣ „Русская Старина" [1]). Нѣсколько подобныхъ писемъ имѣется въ распоряженіи автора настоящей статьи: изъ нихъ здѣсь приводится письмо, доставленное автору священникомъ села Выше-Тарасовки, Екатеринославскаго уѣзда, отцомъ Іоанномъ Курилинымъ, добытое имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовной семинаріи.

Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ казакамъ въ 1680 г. „Я султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царствъ — македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV".

Запорожскіе казаки турецкому султану. Ты — шайтанъ турецкій [2]), проклятого чорта братъ и товарищъ, и самого Люцыпыря секретарь! Якый ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкыдае, а твое війско пожирае. Не будышъ ты годенъ сынивъ хрестьянскихъ подъ собою маты [3]); твого війска мы не боимось, землею и водою будемъ бытьця зъ тобою. Вавылон-

---

1) „Русская Старина", 1872, VI, 450.

2) Шайтанъ — чортъ; 3) мати — имѣть.

скый ты кухарь, макыдонскый колеснык, іеруаслымскій броварныкъ [1]), александрійскій козолупъ, Велыкого и Малаго Египта свынарь, армянська свыня, татарскій сагайдакъ [2]), каминецькый катъ, подолянскій злодіюка, самого гаспыда [3]) внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень [4]), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с..а, ризныцька собака, нехрыщеный лобъ, хай бы взявъ тебя чортъ! Оттакъ тоби казаки одказалы, плюгавче [5])! Невгодынъ еси матери вирныхъ христіанъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такый у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!.. Кошовой атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ кошомъ запорожськимъ".

Д. И. Эварницкій.

---

[1]) Броварникъ — пивоваръ; [2]) сагайдакъ — козелъ; [3]) гаспыдъ — аспидъ, дьяволъ; [4]) блазень — глупецъ; [5]) плюгавецъ — поганецъ.

ВЪ СКЛАДѢ КОНТОРЫ

„ВѢСТНИКА КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ“

(С.-Петербургъ, Вас. остр., 7-я л., д. 30.)

имѣются оставшіеся за удовлетвореніемъ подписчиковъ

ЭКЗЕМПЛЯРЫ БРОШЮРЪ:

1) **„Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украйны и Запорожья“**, съ портретомъ на мѣловой бумагѣ и иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Вл. П. Кранихфельда. **Цѣна 30 коп.**

2) **Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ: — высылается за двѣ семикопѣечныя марки.**

3) **„Уральскіе казаки и ихъ рыболовства“** съ иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Н. А. Бородина. **Ц. 20 коп.**

4) **„І. И. Желѣзновъ, писатель-казакъ“**, съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ. Очеркъ Н. А. Бородина. **Цѣна 30 коп.**

5) **Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска** XVIII столѣтія. Очеркъ П. П. Короленко. **Цѣна 20 коп.**

6) **Законы о воинской повинности казачьихъ войскъ.** Изд. неоффиціальное **Ц. 10 к.**

7) **Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы** (съ иллюстр.). Очеркъ И. Д. Кузнецова. **Цѣна 20 коп.**

8) **Донской атаманъ Платовъ**, съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ. Е. И. Тарасова. **Цѣна 20 к.**

9. **И. В. Мушкетовъ.** Его жизнь и дѣятельность. Съ портретомъ на мѣловой бумагѣ и иллюстраціями въ текстѣ. Составилъ Е. И. Тарасова. **Цѣна 20 коп.**

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.